

Лена Ребе

ДААТ

*«Уста мои изрекут
премудрость, и размышления
сердца моего — знание.*

*Приклоню ухо моё к притче;
на гусях открою загадку мою.»*

Псалом 48, 4

Глава 1. Про экстаз вообще...

Как говорилось в одном русском анекдоте — из показаний обвиняемого следует, что это было в экстазе, а я точно помню, что в сарае. Нечто подобное произошло и со мной. Сопливо-розовый романтический кисель, в который уже превратилась было в мечтах моя жизнь, на деле оказался крепким коктейлем-триллером, круто замешанным на кокаине, приправленным для остроты русскими проститутками международного масштаба (так что без экстаза, насколько я понимаю, не обошлось) и разлитым в причудливой формы политические сосуды, символизирующие сложность современной европейской политики вообще и скрытой от широкой общественности жизни представителей её

высших эшелонов — в частности.

А началось всё как раз в тот день, когда я разгуливала босиком по Рёмербергу, в то время как в квартире Рошеля и его адвокатской конторе происходил обыск. Вернее, началось-то всё на день раньше, с убийства одного из политических противников Рошеля, Бельмана. Впрочем, завуалировано оно было под самоубийство. Поначалу оно меня не особенно заинтересовало, хотя и расстроило немного. И дело было не в каких-то там моих политических взглядах — нету их у меня, товарищ прокурор, ну нету! — а в том, что Рошеля и без того многие недолюбливают. Только ещё доведения человека до самоубийства ему не хватало. Но лучше я расскажу всё по порядку.

Вернувшись домой после прогулки и поев холодной долмы, я пришла в такое лениво-расслабленное настроение, при котором делать ничего не хотелось. Даже читать. Раскинувшись на диване на манер мадам Рекамье, я включила телевизор. С экрана на меня смотрел Рошель. Я переключила программу. Рошель никуда не исчез. Пощёлкав переключателем, я убедилась, что примерно две трети из моих почти сорока телепрограмм показывают какую-нибудь фотографию Рошеля и рассказывают о его страшных преступлениях, в то время как остальная

треть делает то же самое, но без фотографии.
Оказывается, Рошель:

— употреблял наркотики,

— принуждал других к употреблению наркотиков,

— пользовался услугами русских проституток,

— помогал их нелегальному въезду в Германию,

— заказывал прекрасных дам и наркотики по телефону, бесстыдно взяв при этом в качестве псевдонима фамилию Сени Пинского, того самого, который в своё время рассказал мне историю про крота и Альбрехта Великого,

— был опознан на какой-то видеокассете в качестве участника сексуальной оргии,

— позорил таким образом всё просвещённое человечество, а в особенности — ту политическую партию, к которой принадлежал,

— приближал своим поведением то ли конец света, то ли неизбежную победу коммунизма (или это был сионизм?) если и не во всём мире, то по крайней мере в одной отдельно взятой стране — Германии,

— подстрекал мирное по сути своей человечество к третьей мировой войне,

— бросив несчастную Германию на произвол её судьбы и отменив все свои встречи и

телевизионные передачи, улетел загорать в Испанию,

— ... (тут я выключила телевизор, решив, что с меня пока хватит).

До убийства христианских младенцев дело дойти ещё не успело, но было понятно, что в ближайшее время дойдёт. А ещё стало понятно, что Тор был, как всегда, прав, и Рошель мне брат, а не возлюбленный. Вечно у меня всё не как у людей. Другие в моём возрасте уже вовсю с кризисом середины жизни борются, а я ещё только со своей семьёй знакомиться начинаю. Родителей себе нашла, Еву с Тором, теперь вот младшего брата. Кто следующий? Но главное не в этом, а в том, что дальше делать. Я задумалась о представленных мне доказательствах немислимых преступлений своего новоявленного родственника, которому, конечно же, следовало помочь.

Единственными так называемыми вещественными доказательствами его плохого поведения являлись найденный у Рошеля в бюро пакетик со следами белого порошка неизвестного состава и довольно странная чёрно-белая фотография, разделённая двумя вертикальными полосками на три части. В первой и третьей части её сидели в картинных позах две слегка одетые дамы — по одной в каждой части. Видны, впрочем, были только их длинные красивые ноги и тела

где-то до талии, всё, что выше, было скрыто дигитальным туманом. В средней части триптиха наблюдался какой-то тёмный силуэт, который при желании можно было принять за сидящего же мужчину в костюме. А можно было и за облако в штанах. Интересные у немцев понятия про оргии. В качестве наркотика назывался кокаин.

Что я знаю про кокаин? Американские индейцы употребляют его несколько тысяч лет. В Европе в широкое употребление его ввёл Фрейд в начале прошлого века, заметивший его замечательные обезболивающие свойства и не заметивший вредных. Он потом ещё долго переживал по этому поводу. «Роман с кокаином» нужно перечитать. Интересно, кто его всё-таки написал? Жаль, что он у меня по-немецки, а не по-русски. Насколько я помню, физического привыкания к кокаину нет в том смысле, что в обмен веществ он не встраивается, как другие наркотики. Потребление кокаина законом не преследуется, только распространение.

Теперь русские проститутки. Это часть истории меня особенно позабавила. Из всех знакомых мне немок — их немного, это правда — сексапил имеется только у одной. У моей подруги Моники. Да и та призналась мне однажды по секрету, что в ней то ли польская, то ли еврейская кровь есть. Ну не рождаются Венеры на германских

просторах, что ж тут поделаешь. Зато резвятся там в больших количествах юные Дианы с луком за спиной, гоняющиеся за оленями в порядке утренней разминки. И превращается такая Диана со временем в грозную (и грузную) Валькирию или в лучшем случае — в хозяйственную Геру, хранительницу очага и семейных традиций. Так я же и не против, я — за! Только если вдруг наступает в жизни мужчины момент, когда какое-то таинственное чувство внутри живота (или ниже) говорит — хочу Венеру! — то в Германии ему трудно придётся. Импортный товар.

Милые немецкие женщины, не обижайтесь вы на меня! Во-первых, исключения всегда имеются. Во-вторых, для счастливой семейной жизни и воспитания здоровых детей нужна именно Гера и иногда немножечко Валькирия, а уж никак не Венера — у Венеры единственный сын бегаёт голышом по белу свету и стреляет из лука в кого ни попадая. А она его ещё подзуживает. Если по-хорошему, так её материнских прав лишить нужно. И в-третьих, ведь не обижаемся же мы на судьбу за то, что апельсины растут в Греции, а дубы — в Германии?! Вот и придумывают себе греки Венеру, которая после очередной любовной истории отправляется купаться в море и выходит оттуда каждый раз невинной девицей, у которой и в памяти тоже ничего от этой истории не остаётся,

даже имени её героя. Остаётся только готовность к новой, первой и единственной любви. В то время как нежная и прекрасная героиня немецкого эпоса, Кримхильда, всё отлично помнит и кончает тем, что выходит замуж за самого сильного воина своего времени, Аттилу, способного отомстить за смерть её любимого Зигфрида. Тот и мстит, перебив всех её подданных и родственников вместе взятых, включая родных братьев, причём сама она тоже не гнушается взять меч в руки. Менталитет — великое дело.

Я представила себе мысленно подружку Рошеля. Лет двадцать назад была она, очевидно, восхитительной деревенской Дианой — длинноногая, веснушчатая, с пышной грудью, прекрасными огромными глазами и добродушным личиком. Замуж нужно было выходить, милая, детей рожать! Но что-то не сложилось. А кто её на телевидении держит? Ведь невооружённым глазом видно, как она внутренне съёживается, выслушивая сальности, а то и прямые грубости от участвующих в её передачах подростков. Ещё и голову в плечи втягивает, как черепашка в свой панцирь. Так и не привыкла. Да и двигаться её никто не научил. Впрочем, бюст отменный, что говорить. Им бы с Рошелем двадцать лет назад встретиться.

А сейчас она напоминала скорее

полузасохший бутон, которому так и не довелось превратиться в пышную цветущую розу. Диана, которой уже за сорок, выглядит немного смешно — в таком возрасте нужно уже уметь своему мужчине помогать, если он в беду попал, а не самой к мамочке за помощью бегать. А уж за три года близкого знакомства эту страшную тоску одиночества в его глазах не разглядеть... Её же по телевизору видно! Теперь ещё, не дай Бог, поженятся. Юная пионерка Диана вздумает свой долг выполнять, а он решит, что это последняя соломинка, за которую ему непременно следует ухватиться. Я припомнила одну похожую историю, и у меня вдруг закололо сердце — там дело кончилось самоубийством. Двойным. Уставшая выполнять свой долг жена взяла да и повесилась в Нью-Йорке. А давно потерявший веру в соломинки муж, похоронив её в американской земле, вернулся в Москву и прыгнул с двадцатого этажа на родную, русскую. В ней и похоронили. Хорошо хоть детей не было. Долги, соломинки — да не так жизнь устроена, ребята, ну не так! Есть Бог, есть вера, есть душа, и всё в Книге записано и печатью скреплено...

Тут я заметила, что меня никто не слушает.

Ну и ладно, сама-то я давно разве такая умная стала — ведь ещё в декабре соломинки собирала и долги выполнять пыталась. Полгода не прошло. Так

что сменим пока тему на какую-нибудь полегче. Вот к примеру пункт насчёт телефонных заказов. Интересно, а как такой заказ вообще происходит? И что при этом говорят? И какие именно качества указываются как необходимые? И причём тут Пинский?..

Постой-ка, а ведь про Пинского как раз понятно — тот тоже однажды заказывал себе даму по телефону. Из нашей московской квартиры. Его семейная жизнь в очередной раз дала трещину и пошла наперекосяк. Сеня решил разводиться. Жена немедленно забеременела и вскорости должна была рожать. Положив в авоську пять пол-литровых бутылок водки (для себя и моего мужа) и килограмм апельсинов (для меня), он взял гитару и приехал к нам в гости. Теперь он пил, немзыкально орал про какую-то бригантину, которая как раз находилась в Кейптаунском порту с пробоиной в борту, и вспоминал счастливую холостяцкую жизнь. Часа в три утра он почему-то перешёл на английский, из которого недавно выучил двести слов. Он тогда вычитал где-то, что язык дельфинов состоит из двухсот слов, и им хватает. Сеня решил, что ему тоже хватит. «Я — дельфин!» — громогласно утверждал то по-русски, то по-английски кандидат педагогических наук, держа в каждой руке по бутылке с остатками водки и стараясь при этом попасть локтем по струнам

гитары-страдалицы. Иногда ему это даже удавалось. Когда от резких движений с его рубахи начали отлетать пуговицы, он осторожно поставил бутылки на пол, гитару положил на диван и принялся с удовольствием чесать своё волосатое брюхо, торчавшее теперь наружу.

Угомонился, решила я. Сейчас заснёт. Не заснул он, господа присяжные и заседатели. Напротив, занятие это навело его на новые мысли, и в пятом часу утра Сеня понял, что нужно делать. Даму вызывать. Чтобы она ему брюхо чесала. Больше всего меня поразило, что в таком состоянии он помнил номер наизусть. Зачем-то записав номер на бутылочной этикетке, он набрал его. Выслушал развёрнутое и очень нелицеприятное мнение о себе от тоже не вполне трезвого соседа дамы по коммуналке. Расстроился. Выпил. Задумался. Вскочил. Сделал своё программное заявление, почему-то на смеси русского с немецким — «Астра»! Спички!! Vorwärts!!! — и на сверхзвуковой скорости покинул квартиру. Мы легли спать.

Около одиннадцати меня разбудил звонок Герды Соломоновны, его мамы. Узнав, что ушел он среди ночи, она немедленно начала ругать меня за то, что я его отпустила. «Ведь его же в милицию заберут!» — кричала она, — «Они же теперь только приличных людей забирают, чтобы денег